

Пусть Цзао Цинь и смутно помнил, как именно Сун Чэн прошлой ночью разобрался с незнакомцем в маске, его собственное возвращение в общежитие целым и невредимым говорило само за себя — победа осталась за Сун Чэном.

Опустив взгляд на сильную, жилистую руку, лежащую на его левом плече, Циньцинь захлопал ресницами, лихорадочно взвешивая все «за» и «против».

Если держаться поближе к Сун Чэну, шансы выбраться из этого мира испытания живым явно вырастут. Странно другое — с чего это Сун Чэн так резко сменил гнев на милость?

"Слишком подозрительно."

Цзао Цинь украдкой взглянул на Сун Чэна. Помня, как сильно тот воротил от него нос раньше, поверить в такую внезапную заботу было трудно.

— Я тебе больше не противен? — тихо, прощупывая почву, спросил он.

Сун Чэн на мгновение оцепенел, собираясь что-то сказать, но Цзао Цинь не дал ему вставить и слова, продолжив:

— Я ведь всё слышал... Тот верзила сказал, что хочет позабавиться со мной, — произнося последние слова, он густо покраснел от смущения и опустил голову, пряча лицо. Закусив губу, он негромко добавил: — А ты ответил, что это не твоё дело... Ты ведь терпеть меня не мог, а теперь вдруг вызвался защищать...

— Нет! — резко оборвал его Сун Чэн, и его взгляд потемнел от подступившей паники.

Но Цзао Цинь ведь действительно это слышал.

Сун Чэн хотел оправдаться, но слова застряли в горле — против правды не попрёшь. Он ведь и в самом деле тогда сморозил глупость. Сказал, что даже если этого неженку зажмут в углу и силой возьмут, ему будет плевать. А Цзао Цинь стоял совсем рядом и ловил каждое слово.

Но чёрт возьми, он вовсе так не думал! Даже тогда он и мысли не допускал, что позволит Чжун Цзо хоть пальцем тронуть этого мальчишку.

Сун Чэн просто до последнего не желал признавать очевидное: этот глуповатый, капризный NPC из мира испытания засел у него в печёнках. Он не мог заставить себя не смотреть на него, ловить мимику, вдыхать его сладковатый запах.

— Я никогда тебя не ненавидел.

"Я люблю тебя."

— И защитить тебя хочу искренне.

Сун Чэн достал из системного пространства цепочку, которая теперь покачивалась на его пальце.

Пока Цзао Цинь в замешательстве приоткрывал рот, высокий мужчина придвинулся ближе, почти обнимая его, и медленно, бережно застегнул ожерелье на его тонкой белой шее.

Склонившись к самому уху юноши, он прошептал так нежно, что это показалось сном:

— Оно защитит тебя. Верь мне.

Цзао Цинь опустил взгляд и коснулся пальцами неровных тёмно-синих камней. На фоне его бледной кожи самоцветы казались ещё ярче, отливая цветом глубокого океана. Красиво, спору нет, но будет ли от этого толк?

"Система, эта штука правда меня защитит?"

[Система: Обнаружен предмет «Ожерелье сирены» — предмет S-класса]

[Свойства: неразрушимый, привязка к душе]

[Эффекты:]

[- 1. Защита от любого чужого вмешательства и сканирования]

[- 2. Создание абсолютного барьера (до трех раз за мир испытания), полностью оберегающего носителя от любого физического и ментального урона]

"Абсолютный барьер? То есть он заблокирует вообще любой урон?"

"Именно так."

Цзао Цинь удивлённо распахнул глаза. Надо же, он и представить не мог, что Сун Чэн окажется настолько щедрым и просто так отдаст ему сокровище.

Это же фактически три дополнительные жизни!

Не веря своей удаче, Цзао Цинь расплылся в улыбке, отчего на его щеках проступил нежный румянец. Он посмотрел на Сун Чэна, который всё ещё слегка придерживал его за плечи, и восторженно спросил:

— Ты правда даришь его мне? Прямо совсем?

У Сун Чэна на миг перехватило дыхание. Поняв, что настал его звёздный час, он напустил на себя как можно более небрежный вид:

— Пустяки. Я прошёл кучу миров испытаний, у меня этого барахла в системном пространстве пруд пруди, девать некуда.

Он даже не задумался, почему Цзао Цинь ни капли не удивился упоминанию системного пространства.

— Братик, ты у меня такой классный, — Цзао Цинь кокетливо ухватился за край его куртки.

Они стояли так близко, что при каждом вдохе Сун Чэн улавливал сладкий аромат, исходящий от юноши. Прямо перед глазами манили пухлые алые губы и изящные белые ключицы. В голове у Сун Чэна сладко зашумело.

— Малыш, ну за что ты так с нами?! Зачем ты зовешь этого пса братиком?!

— Мой сладкий пирожочек... Ты не должен быть чьей-то женушкой, иначе я больше не смогу нежно держать тебя за руку... Ведь если ты станешь его женушкой, вам придётся спать под одним одеялом, утопая в пучине порока и любви... Так что будь моей женушкой... Ой, то есть моим малышом... Простите, я запутался... Малыш...

— Слышь, чувак, ты реально взял и отдал Ожерелье сирены? Совсем гордость потерял? Зачем сразу становиться ручным пёсиком? Вот я никогда бы не опустился до уровня подкаблучника... Я бы сразу стал его мужем!

— Похоже, только я один заметил, как больно малышу было слышать те слова. Сердце за него разрывается!

В классе воцарилась весьма странная атмосфера. Все знали, с каким упорством Цзао Цинь бегал за Сун Чэном, и теперь казалось, что он наконец-то добился своего.

На утренних уроках стоило только прозвенеть звонку на перемену, как юноша тут же прилипал к Сун Чэну, придвигая свой стул вплотную к его парте. Он следовал за ним хвостиком, словно сладкая липкая тянучка.

Несколько парней, сбившись в кучку, сверлили новоиспечённую парочку неприязненными, хмурыми взглядами. Почувствовав это, Сун Чэн резко обернулся. Некоторое время они молча мерялись глазами, пока недоброжелатели первыми нехотя не отвели взоры.

Он помнил эту компанию. Как-то раз он застукал их обедающими вместе с Цзао Цинем, и один из этих парней так усердно сорил шутками, что Циньцинь заливался звонким смехом.

Сам же виновник чужой ревности сейчас лениво развалился на парте Сун Чэна. Вытянув левую руку, он положил голову на тыльную сторону правой ладони, отчего его щека забавно надулась, а губы приоткрылись. Юноша откровенно витал в облаках, уставившись в одну точку.

Сун Чэн не удержался и осторожно коснулся кончиков его пальцев.

Оторвавшись от мысленного общения с Системой, Цзао Цинь приподнял голову и огляделся по сторонам:

— Что такое?

Последние несколько часов он только и делал, что расспрашивал Систему о свойствах предметов, которые успел выманить у Сун Чэна.

Сун Чэн мягко улыбнулся:

— Ничего особенного. Просто хотел предупредить, что отойду в уборную.

Цзао Циню в туалет не хотелось, поэтому он просто решил ополоснуть руки под краном.

Проходившие мимо ученики, увлечённо болтавшие со своими приятелями, завидев его, тут же замолкали и уставлялись на него во все глаза. Поскольку настроение у Цзао Циня было просто отличным, он лишь дружелюбно улыбнулся им в ответ.

Посреди процесса сушки рук кто-то бесцеремонно схватил его за запястье. Не успел он опомниться, как его довольно ощутимо потащили по коридору и втокнули в пустой класс неподалёку.

Раньше здесь располагался музыкальный класс с пианино, но среди учеников сектора Б ценителей клавишных почти не водилось, поэтому кабинет давно забросили.

Цзао Цинь с недоумением огляделся. Не будь его похитителем Цинь Цзышуай, он бы уже давно

поднял крик и вырвался.

Освободив руку, он насупился:

— Зачем ты притащил меня сюда? Скоро урок начнётся, Сун Чэн меня потеряет!

— Потеряет? — брови Цинь Цзышуаи тут же сошлись на переносице. Стоило ему перестать напускно любезничать, как его лицо принимало на удивление суровое выражение.

Помолчав пару секунд, он с трудом выдавил:

— Значит, слухи не врут? Вы теперь вместе?

— О чём ты? — растерялся Цзао Цинь.

Не давая ему опомниться, Цинь Цзышуай с горячностью продолжил:

— Да он же двуличная тварь! Пользуется твоей наивностью, чтобы обвести вокруг пальца. Неужели ты забыл, как он швырнул тебя на землю и разодрал тебе ногу? Я ведь тогда сам обрабатывал твои раны!

Сказав это, он в упор уставился на юношу, ожидая ответа.

Цзао Цинь поджал губы. Конечно, он ничего не забыл — ссадины на колене до сих пор полностью не сошли. Но ведь в тот день он сам спровоцировал Сун Чэна. Разумеется, объяснять это Цинь Цзышуаю он не собирался.

— Вообще-то, я сам виноват. Да и обошлось всё лёгкими царапинами. Он не хотел меня обидеть, это вышло случайно.

С этими словами он попытался закатать штанину, чтобы показать колено, но плотная ткань не поддалась. Юноша лишь очаровательно показал кончик языка:

— Честное слово, уже почти ничего не болит!

— Ты совсем рассудок потерял из-за него, — мрачно процедил Цинь Цзышуай. Его глаза угрожающе сузились, а от всей его мощной фигуры повеяло ощутимой опасностью. — Вы что, сошлись?

С его внушительным ростом, резкими чертами лица и буравящим взглядом он сейчас выглядел так, словно готов был сорваться и ударить.

Улыбка мгновенно сползла с лица Цзао Циня. Напуганный таким напором, он попятился назад, даже толком не расслышав вопроса.

В груди против воли закипела жгучая, удушливая обида, которую никак не получалось заглушить.

Относись к нему так любой другой — ему было бы наплевать. Но ведь это был Цинь Цзышуай! Тот самый человек, который всегда окутывал его невероятной нежностью и заботой.

С самого первого дня их знакомства он пылинки с него сдувал и без конца баловал комплиментами.

Главное — Цинь Цзышуай смотрел на него совсем не так, как на остальных. В его глазах Цзао Цинь всегда оставался кем-то особенным, исключительным.

А теперь этот взгляд стал холодным и колючим, точь-в-точь как для чужих. Словно Циньцинь совершил какое-то ужасное преступление.

"Глупо обижаться. Никто не обязан вечно со мной нянчиться."

Мысленно отчитав себя, Цзао Цинь резко развернулся, намереваясь уйти.

Но Цинь Цзышуай не собирался его отпускать. Заступив дорогу своим широким телом, он глухо выговорил:

— Значит, раз ты теперь с ним, то мне и слова сказать не достоин?

Цзао Цинь упрямо молчал, уставившись в пол и крепко сжав кулачки. Эта внезапная, гнетущая тишина заставила сердце Цинь Цзышуая тревожно сжаться.

А затем он заметил, как на пыльный линолеум упала тяжёлая влажная капля, мгновенно расплывшись тёмным пятнышком.

Сглотнув вставший в горле ком, он замер, не зная, что предпринять.

— Циньцинь? — тихо позвал он, и в ответ раздался едва слышный, прерывистый всхлип.

Он заметался, порываясь коснуться чужого лица, но так и не решился. Пришлось самому согнуться в три погибели, заглядывая снизу вверх — точь-в-точь как нашкодивший школьник, который довёл одноклассницу до слёз и теперь испуганно проверяет масштаб катастрофы.

Его худшие опасения подтвердились. Личико Цзао Циня совсем покраснело от слёз, мокрые ресницы слиплись, а пухлые губы были упрямо сжаты, сиюсь сдержать рыдания. И всё же тихие, рвущие душу всхлипы нет-нет да и вырывались наружу.

Он действительно довёл его до слёз.

Цинь Цзышуая захлестнула волна паники и жгучего раскаяния. Сделав шаг вперёд, он принялся неловко лепетать оправдания:

— Ну тише, не плачь... Прости меня, дурака, язык мой — враг мой...

— Всё, я больше слова плохого не скажу, честно! Я ведь просто испугался, что этот гад тебя обидит.

Сам он всегда считал себя человеком красноречивым и способным заговорить зубы кому угодно, но при виде этих катящихся слёз весь его хваленый дар убеждения испарился без следа.

Слёзы Цзао Циня были его самым сокрушительным оружием, против которого у Цинь Цзышуая не было никакой защиты.

Обиженно надув губы, Цзао Цинь притих. Влага в глазах иссякла, оставив лишь влажный блеск на ресницах. Он и сам не понимал, с чего вдруг стал таким плаксой.

Видеть, как этот грозный детина прыгает перед ним на задних лапках, было жутко неловко. Но чтобы окончательно не потерять лицо, пришлось продолжить тихонько шмыгать носом — успокоиться по щелчку пальцев выглядело бы слишком подозрительно.

Юноша спрятал лицо в ладонях. Этот жест окончательно лишил Цинь Цзышуая остатков самообладания — он то приседал, то вскакивал, кружа вокруг него растревоженным зверем.

Обстановка накалилась до предела. Цинь Цзышуай замер, тяжело дыша, напряжённый как натянутая тетива.

— Я просто... мне дышать тяжело, когда вижу тебя рядом с ним, — глухо донеслось сверху. В его голосе сквозило полное бессилие.

От удивления Цзао Цинь даже забыл, что изображает вселенское горе. Приоткрыв заплаканные глаза, он глухо спросил:

— А тебе-то какое дело?

С какой стати его общение с Сун Чэном должно волновать Цинь Цзышуа?

Эти слова задели парня за живое. Грудь Цинь Цзышуаая яростно вздымалась, а его тёмно-зелёные, дикие глаза впились в лицо Цзао Циня.

Однако он вовремя подавил вспышку гнева. Обида тяжёлым камнем легла на сердце, лишая сил сопротивляться, и он выдохнул в полном отчаянии:

— Да потому что ты мне нравишься! До безумия нравишься, глупый! И я видеть не могу, как ты увиваешься за этим типом.

Слова хлынули из него безудержным потоком, точно пули из пулемёта:

— Ладно бы ты выбрал кого-то нормального, но он же!..

Цзао Цинь уже не слушал, как Цинь Цзышуай мешает Сун Чэна с грязью. Услышав признание, он оцепенел и во все глаза уставился на разгорячённого парня.

На мужественном, резком лице Цинь Цзышуаая, так напоминавшем сейчас морду преданного огромного пса, отражалась такая неподдельная искренность, что усомниться в его словах было невозможно.

Ему впервые в жизни признавались в любви.

Ткнув пальцем себе в грудь, Цзао Цинь растерянно пробормотал:

— Нравлюсь... в каком смысле? И при чём тут Сун Чэн? С чего ты вообще взял, что мы встречаемся?

<http://bllate.org/book/18271/1763095>